

То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И — благодарны слезы лить.

(Памятникъ¹⁾.)

(Стихотвореніе Державина).

(1796 г.)

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломить быстротечный
И времени полетъ его не сокрушить.

Такъ! — весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить²⁾,
И слава возрастетъ моя, не увядая,

1) Подражаніе одѣ Горация: „Нъ Мельпоментъ“ (кн. 3, ода 30-я).

Здѣсь всего яснѣе выразилось сознаніе Державина въ своемъ поэтическомъ достоинствѣ и значеніи, сознаніе, которое уже прежде высказывалось у него, напримѣръ, въ одѣ „Видѣніе Мурзы“. На такое смѣлое заявленіе о самомъ себѣ, какое мы видимъ въ Памятникѣ, онъ, можетъ быть, не рѣшился бы безъ примѣра Горация, который въ XVIII столѣтіи считался образцомъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Нѣмецкіе поэты, бывшіе въ рукахъ Державина, особенно Гагедорнъ, щедро воздавали римскому лирику дань удивленія, а другъ Державина, Капнистъ, перевелъ оду Горация, послужившую подлинникомъ Памятника, въ стихахъ, которые начинаются такъ:

„Я памятникъ себѣ воздвигнулъ долговѣчный;
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди онъ.
Ни вѣдкіе дожди, ни бурный Аквилонъ,
Ни цѣпь несмѣтныхъ лѣтъ, ни время быстротечно
Не сокрушатъ его. — Не весь умру я; нѣтъ: —
Большая часть меня отъ вѣчныхъ Паркъ уйдетъ“ и проч.
(Прим. Грота).

2) Здѣсь конечно рѣчь идетъ не о безсмертіи души въ другомъ мірѣ, а объ отраженіи духа поэта въ его произведеніяхъ. Пушкинъ повѣлъ это, когда сказалъ точнѣе:

„Нѣтъ! весь я не умру: душа въ заветной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ“.
(Прим. Грота).